
УДК 329

ДОЛГОВ А.Ю.* РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ÇIDAM Ç. IN THE STREET : DEMOCRATIC ACTION, THEATRICALITY AND POLITICAL FRIENDSHIP. – NEW YORK : OXFORD UNIV. PRESS, 2021. – XII, 250 p. [ЧИДАМ С. НА УЛИЦАХ: ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ, ТЕАТРАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДРУЖБА]. DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.05

Аннотация. Книга Сидем Чидам «На улицах: демократическое действие, театральность и политическая дружба» посвящена исследованию уличных протестов как проявлений прямой демократии. Автор критикует доминирующий руссоистский стиль мышления в обсуждении протестов и предлагает использовать для их описания аристотелевское понятие политической дружбы. Она концептуализирует демократическое действие через политическую дружбу, опираясь на работы Антонио Негри, Юргена Хабермаса и Жака Рансьера, и предлагает исследователям сфокусироваться на изучении посреднических практик политических акторов, благодаря которым протесты становятся демократическими событиями.

Ключевые слова: политическая дружба; демократическое действие; протест; прямая демократия; Аристотель; Руссо.

DOLGOV A.Yu. Book review: Çıdam Ç. In the street : democratic action, theatricality and political friendship. – New York : Oxford univ. press, 2021. – XII, 250 p.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; старший преподаватель кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: adolgov@inion.ru

Abstract. «In the street: democratic action, theatricality and political friendship» by Çığdem Çıdam considers street protests as an expression of direct democracy. The author criticizes the dominant Rousseauian style of thinking in discussing protests and suggests using the Aristotelian concept of political friendship. She conceptualizes democratic action through political friendship, drawing on the work of Antonio Negri, Jürgen Habermas and Jacques Rancière, and invites scholars to focus on the study of political actors intermediating practices through which protests become democratic events.

Keywords: political friendship; democratic action; protest; direct democracy; Aristotle; Rousseau.

Для цитирования: Долгов А.Ю. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 4. – С. 68–77. – Рец. на кн.: Çıdam Ç. In the street : democratic action, theatricality and political friendship. – N.Y. : Oxford univ. press, 2021. – XII, 250 p. DOI: 10.31249/tsoc/2021.04.05

Книга ассоциированного профессора Юнион-колледжа (г. Нью-Йорк, США) Сидем Чидам «На улицах: демократическое действие, театральность и политическая дружба» [Çıdam, 2021] посвящена исследованию уличных протестов как проявления прямой демократии. 2010-е годы она вслед за другими исследователями называет декадой протестов [Clement, 2017; Barrie, 2021] и считает, что в ближайшем будущем различные формы уличной политики, включая митинги, демонстрации, акции гражданского неповиновения и так называемые «оккупай»-движения, никуда не денутся. Но ключевой посыл книги основан не только на том, что объект исследования постоянно будет «давать о себе знать», но и на том, что, с точки зрения С. Чидам, в существующих обсуждениях протестов остаются незаметными «усилия политических акторов, которые на местах продемонстрировали, хоть и мимолетно, что возможен другой способ существования и отношения друг к другу» [Çıdam, 2021, p. 4].

С. Чидам пытается разобраться, почему при обсуждении протестов как изначально демократических событий со временем забывается их освободительное значение и акцент делается только на их неудачах и упущенных возможностях. Ответ она находит «в глубоко укоренившемся и общепринятом стиле мышления о демо-

кратических действиях, который ошибочно приравнивает спонтанность к непосредственности» [Çıdam, 2021, p. 4]. То есть политические теоретики и эксперты рассматривают протест скорее как внезапный коллективный взрыв, а его организацию – как технический вопрос. Но так из поля зрения выпадают «насыщенные, творческие и разнообразные практики политических акторов, которым удается создавать эти события вопреки всему» [ibid., p. 5]. Истоки такого понимания коллективного политического действия автор обнаруживает в идее народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо. Она противопоставляет ей аристотелевское понятие политической дружбы (*politikē philia*). Создавая альтернативные концептуальные рамки для изучения протеста, которые «схватывают» театральность демократического действия, она также опирается на работы Антонио Негри, Юргена Хабермаса и Жака Рансьера. Для преодоления руссоистского стиля мышления, замкнутого на непосредственности демократического действия, С. Чидам использует понятие посреднических практик, которые подразумевают делиберацию, оценивание, переговоры, творческую подготовку и совместное пользование. Благодаря этим посредническим практикам люди становятся «политическими друзьями» в аристотелевском смысле: «они действуют иначе, чем от них ожидают, протягивая руку помощи другим, непохожим на себя, устанавливая мимолетные, но значимые отношения с незнакомцами и создавая общее в условиях разногласий» [ibid., p. 6].

Первая глава – «Демократическое действие, спонтанность и посреднические практики политической дружбы» – начинается с упоминания известных массовых протестных акций 2010-х годов, которые принято считать неудачными с точки зрения достижения их освободительных и демократических целей. Так, египетская революция открыла путь военной диктатуре, протесты в Испании и Греции не остановили введение в этих странах мер жесткой экономики, после акции «Захвати Уолл-стрит» (*Occupy Wall Street*) начался подъем правого популистского движения, закончившийся избранием Дональда Трампа президентом США, а волнения в стамбульском парке Гези привели к тому, что президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган стал проводить еще более жесткую политику [ibid., p. 8]. Но С. Чидам предлагает не фокусироваться на неудачах этих протестов и преодолеть ловушку нарратива успеха /

неуспеха протестов, поскольку из-за этого происходит стирание воспоминаний об их демократическом потенциале. Вдобавок она видит противоречие в подходе политических аналитиков и экспертов, которые с одобрением высказываются о прямом выражении недовольства участниками протестов и при этом критикуют их за неорганизованность политических акторов («дискуссия о спонтанности / организации демократических восстаний») [Çıdam, 2021, p. 9].

Далее автор анализирует современные академические и медийные обсуждения уличных протестов, в которых воспроизводится руссоистский стиль мышления, и описывает концептуальную рамку, которая может стать ему альтернативой. С. Чидам подмечает, что многие комментаторы, несмотря на разногласия между ними, одинаково видят проблему в мимолетности и непредсказуемости демократических восстаний и склонны игнорировать в своих описаниях разнообразные практики политических акторов, благодаря которым эти события становятся возможными [ibid., p. 16]. В теории народного суверенитета Руссо тоже обнаруживается акцент на необходимости непосредственного соприсутствия граждан для создания и выживания политического сообщества, но это же вызывает у философа опасения по поводу хрупкости и непредсказуемости ситуаций народного действия. Для решения этой проблемы Руссо предлагает проводить периодические ассамблеи.

Затем автор рассматривает аристотелевское понятие политической дружбы, отмечая, что сегодня оно востребовано в политической теории для переосмысления роли граждан в демократической политике. Большинство исследователей отказываются от коммунитаристских трактовок политической дружбы, в которых она определяется как «сильное чувство привязанности, порождающее «моральное единство» сообщества граждан», и рассматривают ее как форму дружбы, в которой присутствуют взаимная выгода и польза, т.е. гражданин ожидает возвращения блага в каком-либо виде, которым он пожертвовал в интересах другого [ibid., p. 30]. Политическая дружба, таким образом, это «не моральные узы, которые могут быть навязаны сверху для обеспечения идеального единства сообщества», – такая дружба, напротив, относится к практикам, которые делают возможным сотрудничество в конфликтных отношениях и через них [ibid.]. Тогда что это за практики, с помощью которых создается политическая дружба?

Отвечая на этот вопрос, автор в первую очередь обращает внимание на различие между политической дружбой и другими видами дружбы, которое проводил Аристотель. Согласно Аристотелю, политическая дружба отличается от дружбы родственников или товарищей, поскольку предполагает достижение соглашения, которое требует наличия выбора (*prohairesis*) у участников этих отношений [Çıdam, 2021, p. 31]. Аристотель понимает политическую дружбу как продолжающуюся деятельность, которая включает в себя коллективный акт выбора равных партнеров и содержит элемент пристрастности. Для него те, кто действуют политически, – участвуют в обсуждении хорошего и плохого, вредного и полезного; это значит, что политическое действие прежде всего связано с делиберативной практикой для достижения согласия по поводу того, что считается общей проблемой [*ibid.*, p. 31–32]. Политическая дружба хрупка, поскольку в ней постоянно происходят конфликты и споры, ей свойственны неопределенность и непредсказуемость, так как отдача от внесенного вклада кем-то из участников происходит с задержкой. Она предполагает выбор одних в качестве друзей и исключение из их числа других.

Во второй главе книги («Жан-Жак Руссо: от тревожной реальности театра к мечте о непосредственности») разбирается критическое отношение Руссо к театру в свете его теорий общественного договора и народного суверенитета. Театр для Руссо связан с моральным разложением и представляет политическую опасность, поскольку там публике навязывается иллюзорная реальность. Руссо, согласно преобладающей точке зрения в научной литературе, фокусировался на том, что театр разделяет и изолирует зрителей, превращая их в пассивных наблюдателей, связанных друг с другом посредством спектакля [*ibid.*, p. 39–40]. Альтернативу такому опосредованному театральному взаимодействию Руссо видит в спонтанном публичном фестивале, народном празднике, который характеризуется искренними, радостными и непосредственными переживаниями человеческой общности, благодаря чему укрепляется социальный порядок. Однако такие моменты происходят редко, они непредсказуемы и неустойчивы, и поэтому на них нельзя полагаться как на способы укрепления республики. Руссо находит решение этой проблемы в периодических имитациях опыта спонтанного фестиваля, когда участники, они же – зрители спектакля,

частью которого они являются, испытывают иллюзию того, что переживают момент непосредственной и искренней общественной радости [Çıdam, 2021, p. 49–50]. Эта идея находит продолжение в теории народного суверенитета и теории общественного договора. Ведь согласно Руссо, политика не просто похожа на искусство: «она сама по себе является формой искусства, цель которого состоит в создании опыта непосредственного общения через формирование искусственного тела, а именно политического тела, состоящего из народа» [ibid., p. 60].

Аналог спонтанных фестивалей в политической жизни – периодические ассамблеи. У Руссо это собрания без дискуссий и споров, где люди никак не связаны друг с другом, и где «каждый гражданин должен быть занят только собственными мыслями и искать общую волю в своем собственном сердце, а не пытаться искать общее благо через обсуждения с другими» [ibid., p. 59]. Таким образом, замечает С. Чидам, Руссо предлагает полностью сформированное и идеально объединенное сообщество, которое подтверждает свое единство с помощью периодически повторяющихся конституирующих событий; он убирает из этих публичных ассамблей любые посреднические практики, создающие политическую дружбу [ibid., p. 59–60]. По сути, речь идет о слепо повторяющемся ритуале, лишенном реального демократического действия.

В третьей главе – «Антонио Негри: повстанческие движения, мультитуд и поиск постоянства» – автор описывает, как Негри трактует проблему политического представительства Руссо. Вопреки общепринятой позиции, согласно которой теория народного суверенитета сформирована Руссо на основе его критического отношения к представительству, Негри считает, что руссоистское понятие суверенитета, наоборот, содержит в себе сильную концепцию представительства. Для Негри общая воля Руссо воплощает в себе репрезентацию и сублимацию «воли всех» [ibid., p. 64–65]; в конечном счете, правление всех сводится к правлению одного: народ превращается в единый субъект, который говорит и действует так, как будто у него есть единая воля. Именно через такое представительство у Руссо убивается возможность прямой демократии, а идеалом для Негри остаются «настоящие» спонтанные и непосредственные формы политического действия. Но Негри и сам совершает теоретический ход, который подрывает его перво-

начальный акцент на непосредственности политического действия. Он полагает, что протест не может реализовать свой потенциал без политической организации, которая способна обучать и просвещать его участников. С точки зрения С. Чидам, Негри рискует свести политику к техническим аспектам, в соответствии с которыми теоретик возьмет на себя ответственность рассказывать политическим акторам, за что они на самом деле борются [Çıdam, 2021, p. 91].

Четвертая глава книги посвящена Юргену Хабермасу («Юрген Хабермас: принятие мимолетности, сдерживание непредсказуемости»). Автор отмечает, что в отличие от Негри, который считает любую форму посредничества губительной для демократии, Хабермас подчеркивает важность закона как посреднического механизма между гражданским обществом и государством в современной демократической политике. Хабермас пытается найти способ выйти за пределы навязанной бинарной оппозиции между конституционным порядком либерального демократического государства и мятежными составляющими радикальной демократии [ibid., p. 93]. Взгляды Негри и Хабермаса схожи в принятии руссоистского образа радикальной демократии как момента непосредственных действий, когда граждане действуют напрямую в своем суверенном качестве. Но для Хабермаса мимолетность и хрупкость таких моментов играет положительную роль, поскольку ситуации радикальной демократии должны оставаться быстротечным опытом во избежание проблем, которые могут возникнуть из-за их анархического и неконтролируемого потенциала. В целом Хабермас критикует теорию народного суверенитета Руссо за то, что она исходит из представления о гомогенном макросубъекте, а из-за этого стирается разница между обществом и государством и во имя единства полностью игнорируются различия между гражданами. Решение, которое предлагает Хабермас – делиберативная демократия. Однако С. Чидам считает, что Хабермас все равно обсуждает делиберацию в стиле Руссо, непреднамеренно стирая посреднические практики политической дружбы и упуская из виду демократическое воображение политических акторов, а также их нереализованные надежды и желания [ibid., p. 120].

Пятая глава («Жак Рансьер: парадигма театральности и беспорядочность демократической политики») начинается с опреде-

ления демократии, которое дает Рансьер. Для него демократия не форма государственного устройства, а нарушение существующего полицейского порядка. Антируссоистская позиция Рансьера заключается в том, что для него демократическое действие похоже на театральный опыт. Демократия требует конституирования политических субъектов, которые создают искусственную сцену для утверждения своего равенства, репрезентируя себя через присваивание языка других. В отличие от Негри, который разделяет руссоистский акцент на создание в будущем истинно эгалитарного демократического общества, Рансьер признает, что демократические действия непостоянны и мимолетны. Как и Хабермас, Рансьер видит в спорадичности демократии неотъемлемый аспект ее анархического качества, которое ставит под сомнение социальный порядок [Çıdam, 2021, p. 146–147]. В отличие от Хабермаса, который, как и Руссо, стремится сдерживать непредсказуемость демократических действий, Рансьер утверждает, что демократическая политика подразумевает процесс возникновения и становления политического субъекта, включающий в себя действия, которые совершаются неожиданными, запрещенными и необычными способами. Делая акцент на процессе субъективации, Рансьер открывает возможность увидеть усилия простых людей на местах, которые создают демократические события [ibid., p. 147]. Но и у Рансьера новаторские и хрупкие практики политической дружбы остаются невидимыми.

Заключительная, шестая глава книги («Формирование политической дружбы в Гези») посвящена рассмотрению выступлений активистов в Турции против сноса парка Гези в Стамбуле в 2013 г. С. Чидам полагает, что хотя хрупкое сообщество, созданное в Гези, нельзя назвать идеальной эгалитарной общностью, оно заслуживает внимания, поскольку в этом сообществе проявился альтернативный способ решения проблем и оно трансформировало тех, кто участвовал в событиях: участники протеста создали новые политические практики и политические привычки, которые изменили условия и возможности будущих действий.

С. Чидам предлагает альтернативный взгляд на события в парке Гези, показывая, как протестующие стали видимыми и значимыми благодаря становлению политической дружбы по Аристотелю. Осуществляя очень разные трудоемкие, новаторские, иногда

конфликтные и хрупкие посреднические практики, политические акторы смогли создать сцену, на которой они действовали не так, как от них ожидали, и присваивали язык других. Они не только подорвали действующие устои здравого смысла, из-за которых они оставались невидимыми и неуслышанными, но и показали, что возможны другие способы существования и действия [Çıdam, 2021, p. 164–165].

Концептуализация демократического действия через политическую дружбу, считает автор книги, позволяет рассмотреть сущность демократии со всеми ее внутренними напряжениями и конститутивными эксклюзиями. Именно промежуточные практики политической дружбы позволяют различным группам людей действовать сообща, создавая общие интересы и горизонтальные взаимовыгодные отношения (хотя при этом возможно установление границ сообщества, а значит, и исключение из него). К числу таких практик (на примере Гези) относятся различные речевые практики, коллективное творчество, пользование общими предметами, организация повседневной жизни и др. [ibid., p. 185–186].

В эпилоге С. Чидам еще раз подчеркивает важность сохранения памяти об опыте демократического протеста, даже если его цели не были достигнуты. Это не означает, что из воспоминаний необходимо убрать все спорные и неудобные моменты, поскольку политическая дружба не относится исключительно к гармоничному, бесконфликтному коллективному опыту – она полна разногласий и споров, и поскольку подразумевает создание политического сообщества, производит свои собственные эксклюзии и неравенства. «Важно противостоять нынешней тривиализации этих событий, которая, возможно, непреднамеренно, играет на руку власти имущим, стремящимся стереть память о демократических моментах и их оппозиционных аспектах», – заключает автор [ibid., p. 193].

Книга Сидем Чидам «На улицах» – хороший пример исследования, в котором теоретическая работа с генеалогией понятий органично сочетается с эмпирическим анализом конкретного случая. С. Чидам совершает важный для политической теории шаг – возвращает в нее понятие дружбы, которое традиционно рассматривается только на уровне интимно-личного и исключается из сферы властных отношений [Кильдюшов, 2020]. Хотя именно с

помощью дружбы, как отмечает О. Хархордин, «можно переместить фокус политической дискуссии с вопроса о путях построения сильного – и часто бесконтрольного – государства на вопрос о том, как возможно сильное общество» [Хархордин, 2009, с. 11].

Но в работе С. Чидам политическая дружба рассматривается только на уровне низовых гражданских инициатив, выражающихся в протестных акциях. Отсюда сразу же возникает несколько вопросов: отличается ли политическая дружба протестующих от политической дружбы представителей правящих групп; можно ли использовать это понятие при изучении, например, партийных коалиций или политических союзов? Без ответов на эти вопросы область политических и социальных исследований, в которых будет использоваться понятие «политическая дружба», сильно сужается. Тем не менее внимание к практикам политической дружбы позволяет исследователям протестов не ограничиваться лишь наиболее популярными направлениями – мобилизацией протестующих и результатами протестов [Barrie, 2021]. В целом изучение социальных практик и взаимодействий протестующих «на местах», на котором предлагает сфокусироваться С. Чидам, открывает множество исследовательских перспектив как для политической теории, так и для политической социологии.

Список литературы

Кильдюшов О. Социология дружбы от Аристотеля до Деррида : старое понятие моральной философии в контексте теории социального порядка : отчет о семинаре Logica Socialis / Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. – 2020. – 11 марта. – URL: <https://cfs.hse.ru/news/348442338.html> (дата обращения: 28.08.2021).

Хархордин О. Дружба : классическая теория и современные заботы // Дружба : очерки по теории практик : сборник статей / науч. ред. О.В. Хархордин. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 11–47.

Barrie Ch. Political sociology in a time of protest // Current sociology. – 2021. – Jun 22. – P. 1–24. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00113921211024692> (accessed: 28.08.2021).

Çıdam Ç. In the street: democratic action, theatricality and political friendship. – New York : Oxford univ. press, 2021. – XII, 250 p.

Clement M. The 2010 s : a decade of riot and protest // A people's history of riots, protest and the law / ed. by M. Clement. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – P. 179–215.